

4. Игнатюк Т. Н.,
старший преподаватель
кафедры БиРЯ УО “БрГТУ”
(Брест, Республика Беларусь)

УДК 8+811.161.1

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ И ИХ ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА РОССИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК И.И.ИЛЛЮСТРОВА)

Аннотация: в данной статье рассматриваются тематические группы паремий, представленные в "Сборнике российских пословиц и поговорок" И.И. Иллюстрова. Особое внимание уделяется «образу человека», который является базовым элементом картины мира, зафиксированной в пословицах сборника. Проводится исследование особенностей лексического состава паремий сборника; выделяются тематические группы личных номинаций. Утверждается, что личные номинации в русских пословицах и поговорках имеют значимость культурологического характера, обусловленную мировоззренческими установками, свойственными русскому народу.

Ключевые слова: паремия, паремический фонд, личные номинации, устаревшая лексика, лингвокультурология.

Ignatyuk T.N., Senior lecturer
departments of BIRYA UO “BrGTU”
(Brest, Republic of Belarus)

THEMATIC GROUPS OF PERSONAL NOMINATIONS AND THEIR EVALUATION POTENTIAL (ON THE EXAMPLE OF THE COLLECTION OF RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS BY I.I.ILLUSTROV)

Abstract: this article discusses the thematic groups of proverbs presented in the "Collection of Russian Proverbs and sayings" by I.I. Illustrov. Special attention is paid to the "image of man", which is the basic element of the picture of the world, recorded in the

proverbs of the collection. The study of the peculiarities of the lexical composition of the collection's proverbs is carried out; thematic groups of personal nominations are distinguished. Russian Russian proverbs and sayings claim that personal nominations have a culturological significance due to the ideological attitudes peculiar to the Russian people.

Keywords: proverbs, proverbs fund, personal nominations, outdated vocabulary, linguoculturology.

На тесную взаимосвязь между языком и национальной культурой еще в начале прошлого века указал В. Гумбольдт, назвав язык универсальным хранилищем общественного знания, благодаря которому «...все сказанное народами в прошлом воздействует на индивида» [2, с. 372]. Язык содержит в себе информацию о системе ценностных ориентаций его носителей, об образе жизни и мышлении языковой личности в частности, и языкового социума в целом, то есть о менталитете народа – феномене, раскрывающем представление человека о мире и складывающемся из природных данных и социально обусловленных компонентов – общественных настроений, культуры, системы ценностных ориентаций, коллективных эмоциональных шаблонов и др. [5, с. 149].

Не существует языка, который не был бы погружён в контекст культуры, которая не имела бы в центре себя структуры языка. «Язык как условие духа и культура как результат деятельности духа органически связаны друг с другом»; «язык одновременно и продукт, и важная составная часть и условие культуры» [8, с. 99].

Лингвокультурология изучает язык как воплощение материальной и духовной культуры. К объектам лингвокультурологии относят различные единицы: символы, метафоры и образы языка, фразеологизмы и др. [6, с. 37–47]. Особое место среди лингвокультурологических единиц в наше время отводится паремиям. Это ценный объект для лингвокультурологического изучения, во-первых, потому, что паремии являются неотъемлемой частью национальной языковой картины мира, а во-вторых – потому что паремия способна к реализации функций и языка, и культуры.

Собирание и классификация паремий в России насчитывает несколько столетий и восходит к именам П.К. Симони, В.И. Даля, И.М. Снегирева, И.И. Иллюстрова, И.И. Носовича и др. Однако и в наше время внимание к паремическому фонду национальных языков не ослабевает.

В кругу паремий (а это пословицы, поговорки, загадки, приметы) наибольший исследовательский интерес вызывает изучение пословиц и поговорок. Именно они, составляя важнейший элемент духовной культуры, заключают в себе смысловое богатство, демонстрируют семантическую емкость языка и в краткой лаконичной форме фиксируют миропонимание говорящего на этом языке народа.

Паремии вызывают интерес с точки зрения отражения в них народной психологии и философии, того, что В. Гумбольдт назвал в свое время народным духом, «духовной самобытностью» [2, с. 49]. Ввиду того, что в культурно-языковом пространстве именно человек представляется как носитель и языка, и культуры, значимым становится изучение в текстах паремий прагматики личных обозначений.

В необозримом паремическом фонде русского языка материалом исследования для данной работы стали пословицы и поговорки, зафиксированные в «Сборнике российских пословиц и поговорок» И. Иллюстрова – издании 1904 года, в наши дни ставшее библиографической редкостью [4]. Его источниками явились рукописные сборники, записи и печатные издания, самые ранние из которых датированы началом XVIII века, а последние – 1900 годом.

Пословицы и поговорки активно обращены на адресата речи. Это ценностные суждения, основное назначение которых, по мнению Н.Д. Арутюновой, заключается в том, чтобы выразить «рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения» [1, с. 6].

Под паремиями понимаются «устойчивые в языке и воспроизводимые в речи замкнутые фразы, которые являются маркерами ситуаций или отношений между реалиями действительности» [7, с. 67]. Названный термин выступает родовым обозначением обширного класса народных афоризмов – пословиц, поговорок, загадок и примет. Основным видом паремий, однако, признаются пословицы и поговорки. Они составляют основную массу (три четверти) всего паремиологического фонда и считаются наиболее яркими носителями ценностно-смысловой семантики русского языка. В нашей работе рассматриваются именно эти два вида паремических единиц.

Пословицей в языкознании называют меткое образное изречение (обычно назидательного характера), типизирующее самые различные явления жизни и имеющее форму законченного предложения. Пословица выражает законченное суждение [3, с. 10]. Это изречение устойчивое в речевом обиходе и, как правило, ритмически организованное. Так, пословицы *До царя далеко, до бога высоко* (И, 72); *Муж – не сапог, не скидается с ног* (И, 162) имеют и буквальный смысл, и иносказательный.

В нашем исследовании пословица рассматривается как текст. Текст, как правило, речевое произведение, созданное и зафиксированное автором с целью одинакового последующего воздействия на множество коммуникантов. Пословица, особенно записанная, должна тоже однозначно квалифицироваться как текст, потому что ее жизнь измеряется не одним веком.

Поговорка – это также краткое образное изречение, однако отличающееся от пословицы незавершенностью умозаключения: *Царь без слуг как без рук* (И, 77); *Законы – святы, да судьи – лихие супостаты* (И, 83); Поэтому поговорка текстом не является.

Различия между пословичными и поговорочными текстами в нашей работе в большинстве случаев не имеют принципиального значения, поскольку целью нашей работы является изучение прагматического потенциала личных номинаций в паремических текстах. Тем более что грани, отделяющие пословицы от поговорок, условны.

Паремический текст имеет ряд особых характеристик, а именно:

1) ему присуща лаконичность, он равен предложению (*Каков поп, таков и приход* (И, 92);

2) паремии характеризуются относительной независимостью от текста, в котором они функционируют: *Села невестка прясть – берегите, деверья, глаз* (И, 200);

3) это, как правило, тексты в которых выражено нравоучение, поучение, предостережение: *Не всякий в старцы стрижется для Иисуса, иной и для хлеба куса* (И, 94); *Хочешь врага нажить – дай ему займы* (И, 221);

Особый прагматический вес в лексическом составе паремии имеют обозначения человека, личные номинации, *nomina agentis*. Личные номинации, с одной стороны, представляют знания о человеке, а с другой – выражают отношение к лицу всего социума. «Образ человека» выступает важнейшим фрагментом языковой картины мира, а пословицы и поговорки являются отражением картины мира, в центре которой находится человек.

Пословица оценивает ситуации и людей и при этом учит, как надо поступать и как нельзя, дает образцы для подражания и отрицательные примеры.

Паремии в собрании И.И. Иллюстрова содержат более 400 слов, называющих человека. *Nomina agentis* в составе паремий имеют разное структурно-грамматическое выражение, разное лексическое значение и разные оценочные смыслы.

Лексикон паремий специфичен по составу, так как в нем представлена древняя языковая картина мира, во многих фрагментах устаревшая. Особенно это относится к изданию И. Иллюстрова, паремические тексты которого, к тому же, отдалены от времени появления сборника, возможно, не одним веком.

Историзмы в пословицах и поговорках сборника Иллюстрова – это лексемы *бурлак, городской, становой, писарь, дворянин, дядька, рекрут, лапотник, бархатник* и мн. др.). В частности, к ним относятся следующие лексемы: *архиерей* ‘высший чин православного духовенства’ (Ож., 30); *барин* ‘лицо привилегированного класса, владелец земель и поместий в царской России; дворянин, помещик’ (Рог., 45); *батрак* ‘наёмный сельскохозяйственный рабочий в помещичьем хозяйстве (МАС, I, 65), *барышник* – перекупщик; торговец лошадьми (Ож., 37); *боярин* ‘высшее звание в Московской Руси, которое имели крупные землевладельцы, феодалы; лицо, имевшее это звание’ (Рог., 69); *бурлак* – работник артели, который вместе с другими тянул бечевою суда против течения (Рог., 76); *воевода* ‘начальник войска в Древней Руси, а также управляющий городом или округом (с XVI до XVIII в.) (МАС, III, 413); *ярыжка* и др.

Приведем примеры историзмов в составе паремий: *Надсадно бурлаку, надсадно и лямке* (И, 266); *Царь добр, да слуги злы* (И, 71); *Сам барин, сам холоп, сам и пашет и орет, сам и песенки поет, и с крестьян оброк берет* (И, 90) – об однодворцах; *Поля хранятся огородю, а люди – добрым воеводю* (И, 81);

Архаизмы в числе номинаций лица в сборнике И. Иллюстрова тоже представлены. Это слова *жнея, пахотник, подружье* ‘супруг, супруга’, *послух* ‘свидетель, который что-то слышал’, *сродник* ‘родственник’, *старец* ‘монах’, *чернец* ‘монах’,

ярыжка и нек. др.). Приведем иллюстрации: *С подружьем и горе пополам разгоруешь* (И, 150); *Не будет пахотника, не станет и бархатника* (И, 241); *Ладан на чертей, а тюрьма на татей* (И, 358); *Где пахарь плачет, там жнея скачет* (И, 245); *За ярыжкою брань не пропадет* (И, 87).

В составе пословиц сборника И. Иллюстрова отмечено немало собственных имен: *Данила, Макар, Кузьма, Иван, Аннушка, Савва, Филат, Андрей, Катерина, Орина, Прасковья*. Например: *Женился Данила на скорую руку, на долгое горе, терпенье, да муку* (И, 132); *Хороша дочь Аннушка, когда хвалят мать да бабушка* (И, 183); *Ваша-то Катерина да нашей Орине – двоюродная Прасковья* (И, 224) и др.

Классификация оценочных значений является классификацией сфер оценочного поведения людей. Можно вести речь об отдельных тематических группах личных номинаций, связанных с характеристикой человека по разным параметрам. Не случайно в анализируемом «Сборнике российских пословиц и поговорок» И. Иллюстрова, принята тематическая организация материала. И. Иллюстров выделяет в содержании сборника 15 тематических рубрик: о царе, чиновниках, о сословиях, о браке, семье, родне, о праве собственности и т.д.

1.1. Наиболее часто в пословицах и поговорках объектом оценки выступают семья и ее члены. Семья – древнейшая форма социальной общности людей, и пословицы и поговорки о ней занимают значительное место в духовной культуре восточных славян на протяжении всей их истории.

Объективные характеристики выражают прежде всего слова, входящие в систему наименований кровного родства: *отец, мать, сын, дочь, дочка, дети, сестра, брат, племянник, дядя, бабушка, дед, дедушка, прадед, тетка, дядя, внук*, например: *Сын отца умнее – радость, брат брата умнее – зависть* (И, 179); *Детки хороши – отцу-матери венец, худы – отцу-матери конец* (И, 180).

В целом в пословицах и поговорках сборника И. Иллюстрова тематическая группа номинаций семейного статуса человека включает около 100 лексем, при этом многие из них необычайно частотны и отмечены в паремиях не единожды. Вообще пословицы и поговорки о браке, семье и родне составляют в этом собрании третью часть материала. В названную группу входят слова *баба* ‘жена’, *бабка, бабин сын, бабушка, бабуся, батюшка, батька, бобылка, богданушка* ‘внебрачный ребенок’, *брат, вдова, вдовец, вдовица, вдовушка, внук, деверь, девица, девка, дед, дедушка, дети, детки, детушки, дитяtko, дольник* ‘приемыш’, *дочка, дочь, дядя, жена, жених, женишок, золовка, зять, зятёк, кум, кума, и др.*

Например: *Муж жене милее родной матушки; жена мужу ближе отца-батюшки* (И, 151); *Была б моя бабуся, – никого не боюсь; бабушка – щиток, кулак – молоток* (И, 191); *Золовку бьют, а невестке наветки дают* (И, 200); *Богданушке все батюшки* (И, 189).

1.2. Другую группу образуют личные номинации, отражающие общественное положение человека, его сословный, социальный, экономический статус, приобретаемый благодаря собственным усилиям, желанию, удаче. Названную тематическую группу в паремиях сборника И. Иллюстрова составляют более 40 *nomina*

agentis: архiereй, архимандрит, барин, бархатник, батрак, богатый, бедный, бедняк, боярин, владыка, воевода, голодный, голенький, голый, голыш, госпоженька, государь, дворянин, калика, князь, лапотник, мирянин, мужик, мужичок, начальник, нищий, царь, чернец. Приведем некоторые контексты паремий: **Царь** добр, да **слуги** злы (И, 71); Сошлись два **голыша**, да любовь хороша (И, 129); Сам **барин**, сам **холоп**, сам и пашет и орет, сам и песенки поет, и с **крестьян** оброк берет (И, 90) – об однодворцах; Голодный и **архiereй** украдет (И, 321); Сношенька – у свекра **госпоженька** (И, 199) и др.

1.3. Близка к названной третья группа – обозначения по должностному статусу или роду занятий. В материалах сборника И. Иллюстрова ее образуют лексемы *аптекарь, барышник, бортник, будочник, бурлак, врач, городской, доктор, дяк, дядька, жнея, изумен, кутейник, лекарка, лекарь, ловец, майор, нянька, нянюшка, пахарь, писарь, плотник, подрядчик, подьячий, полковник, поп, попадья, приказный, прислуга*. Например: У доброго **дядьки** добры и дитятки (И, 170); Жена мужу – подруга, а не **прислуга** (И, 150); Деткам не порча игрушка, а порча – плохая **прислужка** (И, 180).

1.4. Следующая группа оценочных обозначений – личные номинации, характеризующие поведение человека. В их семантике закрепились представления о неприемлемых обществом поведенческих характеристиках лица. К названной группе относятся номинации *баловень, крючоктворец, лежень ‘лежебока’, насмешник, непряха, обидчик, плут, пострел, потачка, похаенка, смутьянка, смутница, тягун, хапун, шалун, шатун, шельма, вор, доводчик, доказчик, доносчик, пьяница, пьяный, разбойник, тать, плут ‘мошенник’*. Они квалифицируют лицо с точки зрения несоответствия его поведения социальным нормам: Ладан на чертей, а тюрьма на **та-тей** (И, 358).

1.5. Следующая группа – это оценочные *potina agentis*, в семантике которых нашла выражение эстетическая характеристика лица: *горбатый, глухой, дурной ‘некрасивый’, красивый, лысый, пенек ‘старик’, плешивый, слепой, старуха, старый, урод, чулинда ‘чучело’, щеголек, ягода, ягодка*. Например: **Красивый** – на грех, а **дурной** – на смех (И, 119).

1.6. Наиболее явный и значимый прагматический смысл несут эмоционально-оценочные номинации лица: *ворона, выродок, горбок, гроза, друг, недруг, дружок, дура, дурень, дурак, затулье, змея, золото, каналья, коза, курочка, молодец, овца, пес, подруга, притульишко, простачок, святой, сатана, собака, собачка, сокол, соколена, строитель*. Приведем контексты: Жена мужу **подруга**, а не **прислуга** (И, 150); Каждый **мерзавец** найдет свою **мерзавку** (И, 129).

1.7. Отдельную подгруппу образуют изредка отмеченные в текстах паремий наименования лица по национальной принадлежности: *армянин, грек, жид, немец, татарин, русский, русский человек, цыган*. Например: Одни **цыгане** часто меняются, а **благородные** – редко или никогда (И, 216).

1.8. Наконец, в особую подгруппу можно выделить *potina agentis*, являющиеся обозначениями временного состояния лица, связанного с определенной ситуацией: *битый, гость, вотчинница, зазноба, зовутка, конный, купец, наследница, небитый,*

ответчик, пеший, писачка, покупатель, послух, свидетель, хранитель, утопающий. Это номинации социальной роли, в которой может оказаться любой человек, соответствующие понятиям, актуальным для нашего времени, но называющие их в соответствии с воззрениями предшествующих периодов истории, иногда весьма отдаленных. Например, лексема *послух* – свидетель со стороны доносчика (Даль, III, 336) – известна была еще в Киевской Руси во времена Ярослава Мудрого, отмечена в языке «Русской Правды», в новгородских грамотах конца XI века. Приведем несколько иллюстраций: *Сестра при братьях не вотчинница, мать при сыне не наследница* (И, 210)

Исследование тематических групп лексики, выявленной в текстах паремий, позволяет сделать следующие выводы.

Центром картины мира, зафиксированной в пословицах сборника, выступает человек. «Образ человека» является важнейшим, базовым её элементом. Отталкиваясь от него, можно представить эту картину и организовать лексический состав словичных текстов в соответствии с ней. Через "образ человека" воспринимается социальный уклад, отношение человека к окружающей среде, к людям, к деятельности, к самому себе, к нормам поведения.

В пословицах находит отражение многослойная языковая картина мира россиянина, во многих фрагментах не современная составителю, а более древняя, отдаленная от времени появления сборника, возможно, не одним веком.

Истоки пословиц и поговорок – в труде и повседневной жизни русского народа. Их прямой смысл, как правило, свидетельствует об архаичности этого труда и крестьянского быта. Оно и понятно, так как для того, чтобы выражение стало достоянием фольклора, необходимо продолжительное время. Этим и обусловлена ценность и долгая жизнь пословиц.

Таким образом, личные номинации в русских пословицах и поговорках имеют значимость культурологического характера, обусловленную мировоззренческими установками, культурными традициями, социальными нормами и ценностными приоритетами, свойственными русскому народу на конкретном историческом этапе.

Список использованных источников:

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М. : Прогресс. 1985.– 448 с.
3. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз, 2000.– 536 с.
4. Иллюстров, И.И. Сборник российских пословиц и поговорок / И.И. Иллюстров. – Киев: Типография С.В. Кульженко, 1904. – 482 с.
5. Курчанова, Н.А. Лексические маркеры сентенции (на материале пословиц современного немецкого языка как текстов сентенциального типа) / Н.А. Курчанова. // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Сборник научных статей. Ч. I. – Смоленск: СГПУ, 2001. С.148–155.
6. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.А.Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

7. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного университета, 2002. – 240 с.

8. Хроленко, А.Т. Этнос – язык – культура : учебное пособие / А.Т. Хроленко. – Курск : Изд-во КГПУ, 1996. – 114 с.

5. Малыгина Л. Ю., канд. ист. наук,
доцент, зав. кафедрой гуманитарных наук,
УО «Брестский государственный
технический университет»
(Брест, Республика Беларусь)

УДК 272+94 (476:477) “16”

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА МАКАРИЯ КАНЕВСКОГО (КАМЕНЕЦКОГО) КАК ФЕНОМЕН АГИОГРАФИЧЕСКИХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ ПОГРАНИЧЬЯ

Аннотация. В данной работе исследуются традиционные в агиографической и краеведческой литературе нарративы о личности святого преподобного Макария Каневского. С применением историко-генетического метода воссоздаются историко-культурные обстоятельства совершения духовного подвига. Утверждается, что поклонение святому представляет собой особый феномен в культуре белорусско-украинского пограничья, является примером местного освоения идеала евангельского поведения в Православной Церкви.

Ключевые слова: преподобномученик Макарий Каневский (Пинский); Макарий Каменецкий; прмч. Макарий (Токаревский), архимандрит Каневский и Овручский, игумен Каменецкий и Пинский, Переяславский чудотворец; агиография; краеведение; Православная церковь; Белорусская Православная церковь.